

От составителя

В декабре 2007 года в Секторе этики Института философии РАН прошло обсуждение моего доклада по эссе И.Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Дискуссия получилась жаркой, длилась несколько часов после доклада, а потом «кулуарно» продолжалась еще месяца два. Характер и внутренний дух дискуссии хорошо чувствуется по стенограмме, которая, будучи дополненной небольшими текстами выступлений ее участников, была вывешена на сайте ресурсного центра «Этика»¹. В сжатом виде материалы дискуссии были опубликованы в журнале «Человек»². Позднее статьи большинства ее участников – Р.Г. Апресяна, Д.И. Дубровского, Э.Ю. Соловьева, А.К. Судакова, О.В. Артемьевой, А.В. Прокофьева, О.П. Зубец и А.А. Гусейнова, а также подключившихся к дискуссии после первой публикации ее материалов – Б.Г. Капустина, В.В. Васильева, А.Г. Мясникова, Т.И. Ойзермана, Н.М. Сидоровой и А.П. Скрипника – были опубликованы в специальном выпуске журнала «Логос»³. Позднее несколько статей из Логоса были отобраны для публикации в специальном выпуске журнала *Russian Studies in Philosophy* (США)⁴. Настоящее издание воспроизводит (с небольшими изменениями) в первой части – с любезного согласия редактора журнала Валерия Анашвили – публикацию «Логоса» и представляет продолжение дискуссии – во второй. Это не просто продолжение. Уже участники дискуссии «второй волны», подключившиеся к дискуссии после публикации стенограммы, имели возможность отнестись к дискурсивным перипетиям, возникшим в ходе обсуждения доклада. Авторы второй части книги развивали дискуссию, имея перед глазами «Логос». Для некоторых из них критическая рефлексия относительно сложившихся дискурсивных контрверзов оказалась приоритетнее обсуждения собственно Канта.

Примечательна в этом плане «миграция» Д.И. Дубровского из состава диспутантов «первой волны» (декабря 2007) в круг авторов, задавших «третью волну» дискуссии, настолько значимым для него оказалось именно обсуждение самой дискуссии. С некоторым сожалением мне как составителю пришлось ограничить стремления других авторов первой части выступить с комментарием к дискуссии или тем более откорректировать свои, ранее выраженные, позиции. Прогрессия все возвышающейся рефлексии могла бы оказаться бесконечной. В таком случае целесообразнее было бы просто собрать сборник новых статей на ту же тему. Но ценой этого была бы утрата аутентичности представленной полемики, которую еще можно почувствовать, почти «вживую» в первой части. По этому же соображению полемический комментарий к дискуссии оставлен в качестве заключительного к первой части: он тоже стал предметом откликов авторов второй части, и перемена его места в структуре книги потребовала бы расширения содержания первой статьи, опять же, ценой утраты, пусть и не критичной, непосредственности репрезентации того дискурсивного события.

В центре дискуссии – проблема которую обсуждает Кант: позволительна ли ложь в исключительных случаях, ради неких высших целей, в частности, в ситуациях когда правдивость может угрожать благополучию, здоровью, а то и жизни третьего лица, при том, что в принципе ложь есть зло? Ситуация, которую обсуждает Кант, состоит в следующем: некто предоставляет убежище своему другу,

¹ См. http://ethicscenter.ru/sem/apr_q.html. Дата публикации: 07.03.2008.

² Человек, 2008, №№ 3–4.

³ Логос, 2008, № 5, <http://www.intelros.ru/readroom/3289-logos-5.html>.

⁴ *Russian Studies in Philosophy*, 2010, Vol. 48 № 3.

преследуемому злоумышленником⁵. Через некоторое время на крыльце дома появляется злоумышленник и требует сообщить, не в доме ли скрылся преследуемый им человек. Кант твердо убежден, что хозяин дома, укрывший друга, должен ответить злоумышленнику правдиво, пусть его намерения и не вызывают никаких сомнений (Кант ведь неспроста называет его «убийцей»). Это решение Канта принципиально: «Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого»⁶.

Это обсуждение я предложил⁷, заинтересовавшись самой ситуацией и озадаченный решением, который дал для нее Кант. Критически взглянуть на кантовский подход к данному сюжету меня подтолкнули его реминисценции в современной литературе, в особенности у авторов, которые при иных мировоззренческих позициях, чем у Канта, солидаризировались с ним и в интерпретации данной ситуации, и в понимании статуса принципа «Не лги».

Как мне кажется, для понимания действительного этического содержания этой ситуации требуется усилие, *выводящее* ее за рамки кантовской теории, и понимание рассматриваемого случая именно как ситуации для анализа, а не только как иллюстрации, примера или модели, призванной схематично представить идею долга. Даже если у Канта это иллюстративная схема, а не ситуация для анализа, полагаю, нет никаких методологических ограничений (разве что этикетные) на использование этого сюжета в качестве предмета для ситуационного анализа. Существует мнение, и оно получило отражение в ряде статей данной книги, что сам сюжет является частью интерпретации, а интерпретация вытекает из кантовского морального учения; из чего делается вывод о методологической необоснованности изолированного, вне кантовской теории рассмотрения сюжета.

Есть достаточно свидетельств распространенности этого сюжета, и Кант был лишь одним из тех, кто обсуждал этот сюжет. Кант как будто бы заимствует его у Бенжамена Констана, точнее, следовало бы сказать, откликается на ее обсуждение Констаном, тогда, в конце 1790-х годов, молодым, хотя уже и известным публицистом и деятелем аппарата Директории (а впоследствии – теоретиком либерализма и конституционализма). В устах работника аппарата Директории этот сюжет приобретал особенный смысл. Ведь Директория решительно выступила против якобинского террора, и предъявление данного примера в тех условиях неявно представляло его в качестве иллюстрации недавних тогда бесчинств революционного времени. Констан, приводя этот сюжет, желает оттенить свою идею о необходимости селективного подхода ко лжи. При этом он ссылается на некоего «немецкого философа», в котором Кант признал себя, при том, что в действительности он не анализировал подобный сюжет ни в одном из своих произведений. Пер-

⁵ В русском издании эссе злоумышленник с какого-то момента именуется «убийцей». Как уточняет в своей статье в данной книге К.А. Свасьян, в оригинале никакого «злоумышленника» нет: Кант все время говорит об *убийце*.

⁶ *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма / Ред. А.В. Гулыга. М.: Наука, 1980. С. 292.

⁷ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность за предоставленную возможность выступить с докладами на данную тему также на научно-методологическом семинаре Новгородского университета им. Ярослава Мудрого (Новгород, ноябрь 2007) и на Зимнем теоретическом семинаре международного проекта «Экологическая этика в преподавании социальных и гуманитарных дисциплин» (Саранск, февраль, 2008). Прошедшие обсуждения докладов косвенно отражены в «Комментарии к дискуссии», опубликованном в данном сборнике.

вые же публикаторы эссе указывают в качестве «немецкого философа» на Михаэлиса⁸.

Как выяснила одна из авторов нашей книги М.А. Корзо, Констан написал и издал свое сочинение отдельной брошюрой: «Des réactions politiques» совсем небольшим тиражом в первой половине 1797 года. Кант ознакомился с этим произведением по его публикации в «Французском ежегоднике»⁹, представлявшем для немецкого читателя новинки французской публицистики и литературы. По-видимому, сам сюжет Констан заимствовал не у Михаэлиса, а у своей подруги А.Л.Ж. де Сталь или, по крайней мере, через нее. В одном из своих эссе Де Сталь, рассуждая о тенденциях в современной ей немецкой философии, приводит этот пример, причем в связи с Кантом, характеризуя его взгляды как излишне ригористичные и напрочь лишённые чувствительности¹⁰. Определенно это эссе было написано до 1797 года¹¹.

Однако, как указывает в Тэннеровской лекции А. Макинтайр¹² аналогичную ситуацию затрагивал более чем за десять лет до того еще Сэмюель Джонсон¹³, который в одной из своих бесед убежденно заметил Джеймсу Босуэллу: «Если, к примеру, убийца спросил бы вас, в каком направлении ушел человек, вы можете сказать ему неправду, поскольку на вас лежит прежде наложенная на вас обязанность не выдавать человека убийце»¹⁴.

Между тем, как выяснилось в ходе нашей дискуссии и подключения к ней авторов дисциплинарно разнообразно эрудированны, этот сюжет можно считать

⁸ Впрочем, Иогана Давида Михаэлиса (Johann David Michaelis, 1717–1791) можно было считать философом лишь в самом свободном смысле этого слова. Строго говоря, он – профессор теологии и ориенталистики в университете Гёттингена, в свое время известный библиист, принадлежавший к школе *неологов* – «новозаконников», призывавших к отказу от буквального понимания библейских запретов и предписаний, поскольку библейское откровение не может противоречить здравому смыслу. Его взгляды получили развитие в шеститомном труде «Gründliche Erklärung des mosaischen Rechts» (1770–1775). Хотя пока не удалось каким-либо образом локализовать обсуждаемый сюжет в трудах Михаэлиса, принимая во внимание его позицию в отношении библейских заповедей, возможно предположить, что он вряд ли осудил бы ложь домохозяина, пытающегося спасти друга.

⁹ Von den politischen Gegenwirkungen // Frankreich im Jahr 1797. Aus den Briefen deutscher Männer in Paris. Altona, 1797. Bd. 2. Stück 5. S. 3–27; Stück 6. S. 99–127; Stück 7. S. 200–213; Stück 8. S. 291–298.

¹⁰ *De Staël-Holstein*. Du principe de la morale dans la nouvelle philosophie allemande // *De Staël-Holstein*. De l'Allemagne. Seconde édition. T. 3. Paris: Chez H.Nicolle, 1814. 3e Partie. Ch. XIV. S. 203.

¹¹ См. об этом: *Szyszkowski W.* Benjamin Constant. Doktryna polityczno-prawna na tle epoki. Warszawa; Poznań; Toruń: PWN, 1984. S. 52–53.

¹² *MacIntyre A.* Truthfulness, Lies, and Moral Philosophers: What Can We Learn from Mill and Kant? // *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 15, Salt Lake City: University of Utah Press, 1994. P. 310. С этой лекцией Макинтайра я познакомился, к сожалению, уже после того, как мой доклад был сделан.

¹³ Сэмюель Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) – английский нефилософ, лексограф, литературный критик, публицист, автор афоризмов, создатель знаменитого и непреходящего «A Dictionary of the English Language» (1755).

¹⁴ *Boswell J.* Life of Samuel Johnson, LL.D [1791]. Chicago, etc.: Encyclopaedia Britannica, 1996. P. 542–543. См. *MacIntyre A.* Truthfulness, Lies, and Moral Philosophers: What Can We Learn from Mill and Kant? // *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 15, Salt Lake City: University of Utah Press, 1994. P. 310 (А.Макинтайр цитирует С. Джонсона по другому изданию).

древним, если не извечным. Как показывает в своей статье М.А. Корзо, сама проблема правдивости и вынужденной лжи в ситуации опасности широко обсуждалась в западноевропейской религиозной мысли и во времена, непосредственно предшествующие Канту, и гораздо раньше. Сама эта традиция в западном богословии была задана Августином. С.С. Аванесов в своей статье вскрывает актуальность проблемы вынужденной лжи не только для Августина, но и для античной философии. Пример, весьма созвучный кантовско-костановскому, обсуждает, например, Сократ в платоновском «Алкивиаде II».

В кулуарных дискуссиях по нашей проблеме студентка философского факультета МГУ им. Ломоносова К.А. Королева обратила внимание на один ветхозаветный сюжет, из Книги Иисуса Навина, а именно, на историю блудницы Раав из Иерихона. Разведчики из вражеского Иерихону войска Иисуса Навина, вдохновленного Господом на завоевание языческого в то время Израиля, войдя в город, заходят к Раав. Она укрывает их у себя, а в ответ на прямой вопрос пришедших к ней людей царя иерихонского об остановившихся у нее чужаках, не задумываясь отвечает лживо: «...точно, приходили ко мне люди, но я не знала, откуда они; когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли; гонитесь скорее за ними, вы догоните их», указывая им направление противоположное тому, куда потом должны будут уйти разведчики (Нав. 2: 4–5). При том, что в целом ложь, в особенности в форме лжесвидетельства многократно и разнообразно осуждается в Библии, случай Раав (одобрительно отмечавшийся впоследствии и в книгах Нового Завета) – один из четырех в Библии случаев оправданной лжи, или лжи с Божьего позволения¹⁵. Таким образом, все эти примеры показывают, что данный сюжет – не только кроссконтекстуален, но и кроссдоктринален. Понятно, что современным читателям он известен скорее всего благодаря Канту и с ним (и даже не с Констаном) чаще всего ассоциируется. Однако мы должны понимать, что Кант – лишь один из многих в истории мысли, кто обсуждал этот сюжет. И это обстоятельство в истории мысли само по себе – достаточное основание для кросс-кантианского анализа ситуации.

При такой распространенности этого сюжета естественно, что он получал различные вариации. В современных обсуждениях, и наша дискуссия не является в этом исключением, эти сюжетные вариации имеют целью «разморозить» в кантовском рассказе ситуацию, в которой оказался хозяин дома, укрывший друга. Варьирование версий позволяет продемонстрировать внутреннюю ценностную неоднозначность и сюжетную опциональность ситуации.

Один из авторов данного сборника Б.Г. Капустин в анализе, проведенном в другой книге, активизирует невидимого участника ситуации – укрывшегося в доме друга. Он оказывается не прячущимся, а затаившимся и готовым к самозащите, к тому же с кинжалом, вынутым из ножен. Домохозяин согласно Кантовой морали говорит правду, злоумышленник, естественно, врывается в дом, где и получает смертельный удар кинжалом. Или другой разворот: домохозяин, исполненный стремления сообщить всю правду, не только подтверждает наличие беглеца в своем доме, но и сообщает дополнительно о том, что в доме есть оружие, и злоумышленнику может быть оказано сопротивление. Взбешенный от такой новости злоумышленник производит громкий выстрел в закрытую дверь и выхватывает еще один заряженный пистолет, заряд которого предназначен беглецу. Услышав,

¹⁵ Три другие это – обман повивальными бабками фараона ради спасения еврейских младенцев (Исх. 1: 15–21), обман Аодом царя Еглона (Суд. 3: 15–18) и обман Иаиль Сисары (Суд. 4: 17–21; Суд. 5: 24–27).

какой поворот принимает ситуация, беглец, оказавшийся не первым храбрецом, в страхе умирает от разрыва сердца. Несет ли хозяин ответственность за последствия своей правдивости, резонно задается вопросом Б.Г. Капустин¹⁶.

К.А. Свасьян в эссе, опубликованном в этой книге, готов представить на месте друга женщину или даже ребенка, а на месте злоумышленника – маньяка, правдивость по отношению к которому приводит к тому, что он врывается в дом, хватая ребенка и съедает его. А.Н. Поддьяков, принимая во внимание, что Кант в другой работе считает дозволительной самооборону в случае, когда грабитель нападает на вас с целью захватить ваши драгоценности, модифицирует ситуацию, добавляя в нее сюжетный нюанс, в виде драгоценностей, которые друг пришел вернуть хозяину дома. Далее в дверь стучится злоумышленник и спрашивает, не в доме ли тот, с драгоценностями, кого он преследует, при этом в версии (а) злоумышленника интересуют лишь драгоценности, а в версии (б) лишь друг, драгоценности же злоумышленник обещает оставить хозяину. По логике Канта, в остроумном изображении Поддьякова, драгоценности надо защищать, а друга нет. Со своей стороны, я предположил, что этическая конфигурация ситуации будет меняться в зависимости от реального нравственного статуса беглеца и преследователя и от осведомленности хозяина относительно того и другого. А.В. Прокофьев в своем анализе удачно попробовал сменить контекст ситуации и представил ее не как вербальную коммуникацию, стержнем которой являются высказывания, а как необходимую оборону, относительно которой Кант недвусмысленно допускал применение всех необходимых средств, включая силовые, для отражения агрессора. Нельзя ли и ложь рассматривать как разновидность обороны? Ф.И. Гиренок, сохраняя видение данной ситуации как вербально-коммуникативной, переносит на нее антропологические обобщения Канта относительно общения, в которых делается вывод об условно-символической природе общения, о том, что общение невозможно без притворства, иными словами, лживости.

Смысл этих сюжетных вариаций, очевидно, этически не индифферентных, в том, чтобы показать возможность различных стратегий поведения домохозяина и необходимость этического анализа, свободного от незыблемых метафизических постулатов.

Впрочем, дискуссия отнюдь не свелась к анализу конкретной ситуации. Попытки выявления ее этического смысла сразу вывели на широкий спектр фундаментальных вопросов философии морали. Они касаются сущности правды и лжи в человеческих отношениях и в жизни сообществ (больших и малых), характера моральных требований, их духовного и социокультурного статуса, возможности *абсолютного* в морали и природы «моральных абсолютов», условий возможности и принципиальной допустимости исключений из *универсальных* моральных требований и, наконец, природы морали как таковой. Все эти и различные сопредельные проблемы активно обсуждаются авторами данной книги.

То, что попытка обсуждения эссе Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия», написанного более двухсот лет назад, вызвала дискуссию, вышедшую и за рамки состава участников теоретического семинара, где это обсуждение было предложено, и за тематические рамки самого эссе, лишней раз говорит о сохраняющейся дискурсивной энергии немецкого философа. Сей факт – несомненно, повод с благодарностью воздать должное ему и этому, может быть, самому краткому его произведению.

¹⁶ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: МГУ; КДУ, 2004. С. 106, 107.

У нас есть повод задуматься над тем, как быть домохозяину, взявшему под защиту друга, и понуждаемому к однозначному ответу на вопрос, поставленный злоумышленником: «Не скрывается ли у Вас тот, кого я преследую»?